

ДЕТИ-ТЕНИ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ДЕТИ-ТЕНИ»:

1. Среди «призраков»

2. Чужое имя

3. Секреты теней

Продолжение следует!

Маргарет Петерсон Хэддикс

СЕКРЕТЫ ТЕНЕЙ

Москва
2023

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
П29

Margaret Peterson Haddix
AMONG THE BETRAYED

Text copyright © 2002 by Margaret Peterson Haddix
All rights reserved.

Художник *Юрий Щербаков*

Петерсон Хэддикс, Маргарет.
П29 Секреты теней / Маргарет Петерсон Хэддикс ; [перевод с английского В. В. Соломахиной]. — Москва : Эксмо, 2023. — 256 с. — (Дети-тени).

ISBN 978-5-04-119205-1

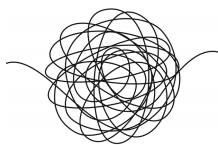
Нина, ученица закрытой школы для девочек, любимица всей семьи, оказалась в жутком месте. Её предал близкий друг. И теперь она вынуждена идти против самой себя, шпионить и выдавать секреты «призраков», запретных детей. Нине нужно выбрать — вернуться к нормальной жизни, а приходится есть чёрствый хлеб и терпеть мерзкую сырость. Элоди... так звали её раньше, именно этого признания ждут от девочки. Сможет ли она сопротивляться столько, сколько потребуется?

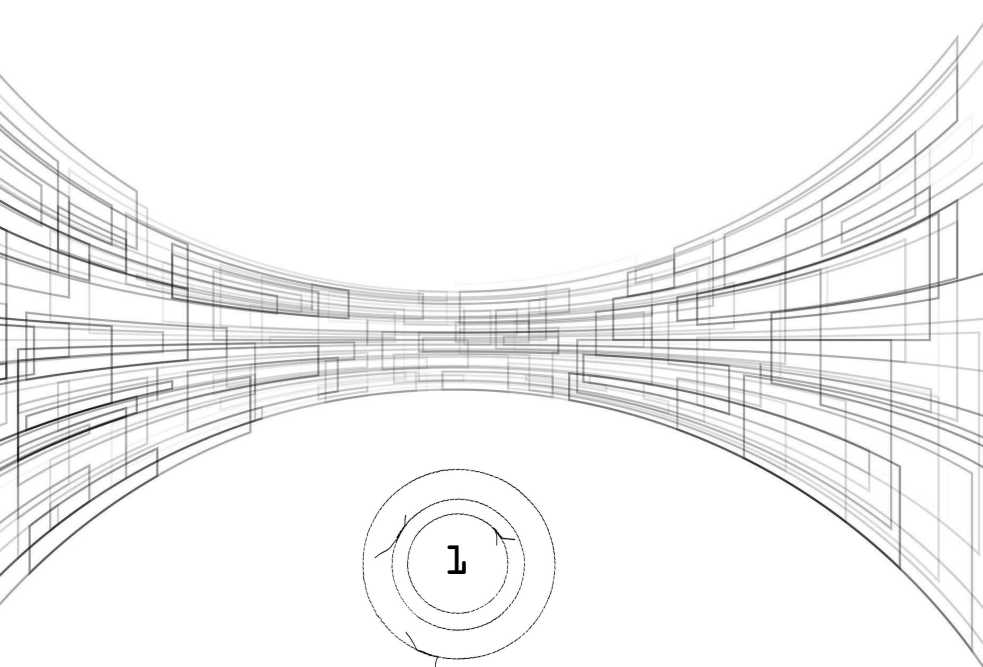
УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Соломахина В. В., перевод
на русский язык, 2023
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-119205-1

Посвящается Мередит

«Тебе на роду написано просыпаться от кошмаров», — съёжившись на бетонном полу камеры, говорила себе Нина.

Всю жизнь её преследовали страшные сны о том, как её хватает демографическая полиция. То они сгребали её на улице лопатами, будто мусор, то толкали прикладами автоматов в спину или целились в лоб.

Но прежде чем спускали курок, она просыпалась.

Однажды даже приснилось, что пришедший за ней полицейский переоделся в кружевную ночную сорочку в мелкую складочку и ночной чепчик тётки Ценки. После этого сна Нина долго, несколько месяцев, отказывалась целовать тётку Ценку на ночь, и никто не понимал почему. Сама Нина никому бы ни за что не призналась, ведь тогда над ней стали бы смеяться. А какой тут смех.

Нина не зря боялась демографической полиции.

Эти люди были страшилищем, серым волком и злой ведьмой, ужасным чудовищем и другими, вместе взятыми, негодьями, о которых она слыхала.

Но, как и страшилище, серый волк, злая ведьма и ужасное чудовище, демографическая полиция жила в рассказах и кошмарах, а не в настоящей жизни.

Сейчас Нина ударилась головой о бетонную стену.

— Проснись! — отчаянно приказала она себе. — Проснись!

От удара голова заболела, только ведь во сне такого не бывает, правда же? Во сне ничего не болит. Даже если тебя порют до крови, ничего не чувствуешь. А свяжут по ногам, чтобы не сбежала, верёвки не жгут кожу.

Запястья и лодыжки истёрлись до крови под кандалами, что приковали её к стене. Кожа на спине была содрана, и малейшее прикосновение рубашки к позвоночнику отдавалось невыносимой болью во всём теле. Один глаз заплыл и распух от ударов.

Всё тело саднило.

«Это просто страшный сон, — упрямо твердила она себе, — меня не арестовали по-настоящему».

Она смаковала неясные воспоминания, словно арест был чем-то приятным, а не самым страшным событием её жизни. Она даже не помнила, как демографическая полиция вошла в столовую или назвала её имя. «Видишь? Ви-

дишь? Разве это не доказывает, что на самом деле ничего не произошло?» Она просто завтракала, радуясь трём изюминкам, попавшим в овсянку. И вдруг в комнате наступила мёртвая тишина, и все посмотрели на Нину. Она почувствовала эти взгляды, уронила ложку. Овсянка попала на девочку, сидевшую рядом, но Лизл не жаловалась, просто смотрела на неё, как и все остальные. Именно эти взгляды, а не звук её имени, заставили подняться и пройти вперёд, протягивая руки для наручников.

«Какое имя они выкрикнули? — вспоминала она. — *Нина или... или...*»

Нет, она даже думать об этом не станет. Иногда во сне демографическая полиция читала мысли.

Нина вернулась к воспоминаниям: она шла по бесконечному проходу между столиками, а другие девочки сидели, как куклы на полке. Знакомая столовая вдруг превратилась в ущелье, в котором из темноты сверкают бесчисленные глаза. Нина не оглядывалась по

сторонам, но чувствовала, как все эти глаза молча её провожают. Глаза были кукольные, пустые, как камешки.

«Почему никто меня не защитил? — удивлялась Нина. — Никто не говорил, не упрашивал, не умолял, не отказывался меня отпустить?»

Она и так знала. Будь это просто кошмар... — «Это ведь кошмар?» — все до смерти перепугаются и не пикнут. Она и сама с перепугу не скажет ни слова, словно кто-то другой изумлённо идёт к полицейскому с медалями на груди. Будто арестовывают кого-то другого. «Почему её? Как они её нашли? Почему узнали только о ней? Прекрати, — оборвала она себя. — Кошмары всегда бессмысленны».

Она вспомнила, с каким трудом переставляла ноги: поднять, опустить, правую, левую, ближе, ближе... Протестовать или защищаться не было сил.

Стоит только чуть приоткрыть рот и всхлипнуть, и потока слёз не остановить.

«Не убивайте меня, пожалуйста! Я всего лишь ребёнок. Я не хотела нарушать законы. Я не виновата. И, пожалуйста, не трогайте Джейсона...»

Теперь, в тюремной камере, Нина стиснула зубы, боясь проронить те слова. Нельзя. Её камеру, вероятно, прослушивают. Ещё услышат его имя.

Как бы то ни было, Джейсона нужно защитить. Джейсона, бабушку и тёткушек. Да и родителей, само собой. О других она промолчит. Ей хотелось взывать к Джейсону, кричать ему:

«Джейсон, знаешь, где я? Ты не встревожился, когда я не пришла в лес на место встречи? Ты такой храбрый. Можешь... меня спасти?»

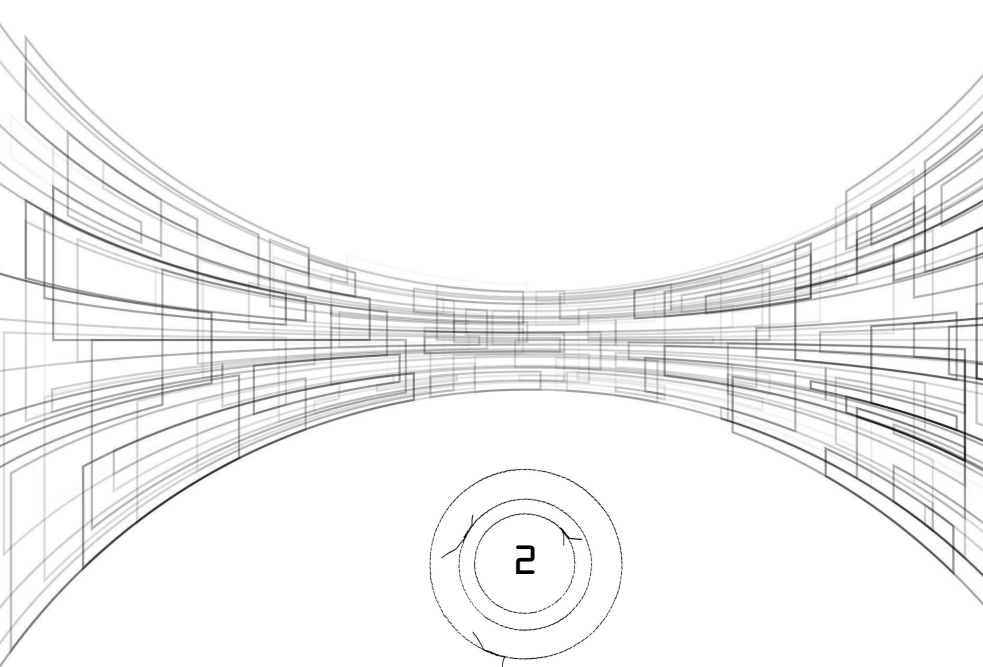
Вот глупая. Это всего лишь сон. Скоро пробьют утренние колокола, и она откроет глаза на верхнем ярусе расшатанной кровати в Харлоу, в школе для девочек. Почистит зубы, умоется, сменит одежду и, может быть, просто за завтраком найдёт в овсянке четыре изюминки...

Она снова вспомнила свой арест, как подошла к ожидавшемуся её у двери в столовую полицейскому. За мгновение до того, как тот защёлкнул на её запястьях наручники, она заметила стоявшего позади него мужчину, так же внимательно рассматривавшего Нину, как её одноклассники. Только те смотрели остекленевшими от ужаса глазами, пустыми, как у кукол. Тёмные глаза мужчины выражали целую палитру чувств.

Он был в ярости. Ненавидел её. Хотел, чтобы она умерла.

Нина вздохнула. Притворяться дальше было бессмысленно. Слишком многое она помнила. Тот взгляд не мог присниться, привидеться, его невозможно выдумать. Он был настоящим, как и всё, что с ней произошло. На ней настоящие наручники, на спине настоящие шрамы, её переполняет настоящий ужас.

— Меня убьют, — прошептала Нина и почти с облегчением наконец оставила все надежды.

— Почему?
Слово прогрохотало в ушах Нины, и она очнулась. Потом отпрянула. Лицо кричащего на неё человека было совсем рядом, в нескольких дюймах.

— Почему ты предала свою страну? — спросил человек.

Нина моргнула. Она обречена на смерть в любом случае... Почему бы не возразить? «Предала

страну? — фыркнет она. — Что это за страна, если для некоторых предательством считается просто появление на свет? Мне что, из преданности нужно было покончить жизнь самоубийством? Из чувства патриотизма? Разве я виновата в том, что у родителей до меня было двое детей?»

Только что бы она ни сказала, выдаст маму, бабушку и тётушек — тех, кто её прятал, кто сохранил ей жизнь.

Она молчала.

Мужчина сел на корточки. В камере Нины было темно, сейчас, наверное, за полночь. Его силуэт казался смутной тенью. «Он призрак, как и я», — подумала она. В её затуманенной голове эта мысль показалась даже забавной.

Потом он отвернулся на мгновение и проговорил:

— Включайте!

И камеру тут же затопило резким, очень ярким светом от одной лампочки над головой. Нина зажмурилась.